

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Сразу скажу: я не писатель, никогда им не была и становиться не планировала. Мемуары надиктовывать тоже особенно не собиралась. Это я уже начала, как видите, оправдываться, почему вдруг в этой книге я значусь как автор и что за «реальную» историю своей жизни собираюсь здесь поведать.

Но 2021 год для меня юбилейный — мне исполняется 50 лет. А так сложилось, что в юбилей принято подводить какие-то жизненные *итоги*. Вот и я задалась размышлениями о том, что сделала за свою жизнь. Конечно, стала известной и любимой многими актрисой. Да, пусть это случилось не в 20, а почти в 40 лет... В 48 лет я решила запеть, и, судя по звонкам моему продюсеру, люди из разных городов часто хотят видеть меня с публичными концертами и выступлениями на частных мероприятиях. Ну а замуж в первый раз в жизни я вышла почти в 50! Зато уж точно за человека, который во всех смыслах носит меня на руках. И потому сейчас во мне очень откликаются строчки из моей песни «С днем рождения»: **«Только цифры в паспорте не главное, ведь важнее молодость души!»** Думаю, это на сто процентов так, ведь важен не возраст, а то, как ощущаем себя мы сами.

Размышляя о жизни, хочу поблагодарить всех, кто со мной: следит за моим творчеством, подписан на меня в социальных сетях, приходит на концерты и спектакли, заказывает выступления, подходит сфотографироваться

или просто сказать приятные слова в аэропортах, на вокзалах, в кафе или на улице. Я не знаю ваших имен, но каждый из вас для меня очень ценен.

Никогда не забуду случай, который произошел на гастролях в Израиле. В отеле на ресепшене меня ждала женщина с подарочным набором хорошей израильской косметики. На ее голове красовалась косынка, но было понятно, что волос под ней нет. Женщина очень тепло улыбнулась и рассказала, что прошла в этой стране лечение от рака и сейчас восстанавливается. Лечение оказалось настолько тяжелым, что в какие-то моменты она была на грани смерти, да и в принципе не особо хотела жить. И вот в самые сложные минуты она смотрела мои ролики и выступления в Интернете, смеялась, поднимала себе настроение. Это не давало ей скатиться в тотальную депрессию. «Я очень вам благодарна, — сказала она мне, — **ваш юмор заставлял жить**». Я растрогалась и расплакалась... Ведь я была ей благодарна не меньше.

Вообще я всегда мечтала просто сесть со всеми вами за один большой стол, где каждый найдет для себя то, что желает. А после застолья нас потянет на общение, и мы будем с вами долго-долго говорить по душам.

Я себя в шоу-бизнесе не то чтобы своей ощущаю. Весь этот пафос, гламур, интриги — наверное, это по-своему интересно, но не это сделало меня популярной. *А любовь простых людей.* И когда говорят, что я «народная», я этим горжусь. Да, я правда из народа, я такая же простая Марина Федункив, как и 20, 30 или 40 лет назад. И вот потому с людьми, которым благодарна, я и готова общаться, делиться своими эмоциями.

А тут раз — и звонок из издательства: «Не хотите ли, Марина, пообщаться с людьми в новом формате и рассказать истории, которые не всегда возможно осветить в социальных сетях?». И я, хоть и какое-то время посомневавшись, решила, что хочу. Ведь в соцсетях я со своей аудиторией общаюсь, но не так близко и обстоятельно, как хотелось бы.

И пускай эта книга в чем-то воплотит мою мечту. Представьте, что мы с вами сидим вместе за столом и общаемся. Говорим обо всем прямо и честно, а я с удовольствием рассказываю вам о разных моментах своей жизни. Про какие-то из них вы уже слышали, но теперь узнаете новые подробности и почти своими глазами увидите, как все это было. А о чем-то услышите впервые. Кое о чем я расскажу только в книге и больше говорить на эти темы не стану.

Истории мои будут веселыми и грустными, смешными и не очень, иногда добрыми, а иногда скандальными. Я расскажу вам про детство, карьеру, любовь, известных и не очень людей, мое участие в популярных проектах. Не умолчу о чувствах, эмоциях и переживаниях.

В общем, расскажу вам все, *как было в жизни*.

СЧАСТЛИВЫЙ РЕБЕНОК В УНИКАЛЬНОМ МЕСТЕ

Почти все обращают внимание на мой знаменитый пермский говор и думают, что я родом из Перми и всю жизнь там прожила. На самом деле все было не совсем так. Да, я родилась в Перми, а потом уже в 17 лет вернулась туда на учебу.

Но детство я провела у бабушки с дедушкой в Западной Украине. Почему так сложилось... Родители вкалывали очень серьезно: например, у отца моего, классического музыканта, были гастролы по всему Советскому Союзу. Мама работала директором кафе, где на ней держалось почти все. Но денег все равно не хватало, и она умудрялась подрабатывать в ночную смену на хлебозаводе.

Не могу и сказать, что я была особенно желанным ребенком. Когда я родилась, в семье уже был ребенок — моя старшая сестра Наташа. И тут еще я: опа, вот так сюрприз. Плюсом ко всему, в роддоме акушеры не совсем правильно принимали роды — тянули меня за ножку, и она стала отсыхать... Бабушка по папиной линии, когда узнала об этом, решила забрать меня к себе в деревню, делала какие-то массажи, компрессы всевозможные, и, несмотря на все прогнозы врачей, ножка вернулась в норму, я расходилась и никогда потом не хромала.

Вообще бабушка недолюбливала Пермь. Ворчала: «Холодно, серое все, что девочкам там делать?». Поэтому нас с сестрой и отправили в западно-украинскую деревню к родителям отца, в хороший теплый климат. А мне это еще и для здоровья было полезно.

А уже потом, когда все наладилось, меня в возрасте четырех лет забрали к себе в Пермь родители. Продлилось это с месяц, ведь я безумно тосковала по деревне, страдала. Садилась перед телевизором, если слышала слово «Украина», и ждала, что сейчас мне будут показывать на экране бабушку, ее козу и корову. Я плакала и говорила, что хочу к бабуле, и меня отправили обратно.

В деревне меня с детства научили *самостоятельности*. Бабушке с дедушкой некогда было с нами нянчиться и сюсюкать. У них свое большое хозяйство: и коровы, и птицы, и огороды огромные. Дед при этом еще и в колхозе работал. Старики вставали в пять утра, а ложились уже за полночь. Бабушка мне в полудреме сказочку расскажет на ночь, и все.

Хотя нет, не совсем все. Сказочка эта была всегда одна и та же, потому как я именно ее требовала. Про сиротку, которая жила с коровами, ведь больше ей нигде было жить. Грустная безумно. И каждый раз в конце я рыдала и выла, а бабушка полночи меня потом успокаивала. А на следующий вечер я снова просила исключительно эту сказку. Не потому, что себя с этой сироткой ассоциировала, как многие подумать могут. Даже мысли такой не было. Скорее потому, что испытывала эмоции от этой сказки, ну и бабушкины утешения и ласки мне очень нравились.

Но в целом мы с сестрой приучились многие вопросы решать самостоятельно, с самого начала старались себя и свои интересы отстаивать. Помню, как Наташа, хотя совсем не была хулиганкой или «бандиткой», наказала соседа, вернувшегося с дембеля. Ну как наказала... Кулаками. Он что-то сказал мне неприятное, будто бы в шутку, и хохотал со своими друзьями, а я в детстве была обидчивая ужасно. Я и сейчас-то долго дуться могу, а тогда обидеть Мариночку много труда не требовалось. В общем, иду я по деревне, реву во весь голос, слезами обливаюсь. Навстречу мне сестра Наташа. «Что случилось?» — спрашивает. Ну я ей про свою смертельную обиду рассказываю, и она, недолго думая, идет разбираться.

В общем, разобралась так, что на следующий день к бабушке с дедом пришла мать дембельнувшегося соседа с претензией: «Ваша Наташа моего Рому очень сильно побила, примите меры». На что дед ответил: «Ну если у нас такие защитники Родины пошли, то я, наверное, Наташку на передовую отправлю»...

Не то чтобы нас совсем ни за что не ругали. Ругали, могли и отлупить, но только за дело. Дисциплина была железная, но без перегибов, унижений или жесткого навязывания.

Несмотря на самостоятельность, на произвол судьбы мы с сестрой брошены не были: всегда были накормленные, в наглаженной одежде, а до девяти вечера (или десяти в месяцы, когда темнело позже) должны были вернуться домой. Можно сказать, **для нас обозначили определенные границы и давали какую-то степень свободы внутри них.** Я же, как помню, эти границы постоянно пыталась расширять. И в этом была обратная сторона моей самостоятельности.

Я считала, что могу сама и без подсказок принимать какие-то решения: куда ходить и во сколько возвращаться, какую прическу и почему сделать. Вроде бы мелочи, но вот эти мои самостоятельность и свободолюбие заставляли меня иногда раздувать из мухи слона и бунтовать совсем по пустякам. Например, как-то решила принципиально сделать панковский хаер, потому как бабушке не нравилась моя прическа, которая была до него. Лака для волос тогда не было, и я использовала для закрепления «укладки» всю бабушкину сахарную пудру. И в таком виде по деревне гулять отправилась.

А характеры ведь у нас с бабушкой у обеих были сложные, тяжелые. Я была ну очень *упертой*. Помню, бабушка, как намучается со мной, почти каждый день отправляла отцу телеграммы: «Приезжай, забирай». Тот, бедный, несколько раз срывался с гастролей, прилетал через всю страну в Западную Украину, а мы с бабулей уже к тому времени благополучно примирились. Моя упертость компенсировалась повышенной отходчивостью.

Но бывали и исключения, когда моя отходчивость в силу не вступала. Бабушка в такие моменты «умирала». Да-да, она ложилась, изображала, что теряет силы, говорила, что ей плохо и совсем недолго осталось. Ну и я тут же включала заднюю, и конфликт быстро сходил на нет.

Тут нужно сказать, что упертой я была не просто так, потому что настроения не было или просто из вредности, а только когда мне что-то казалось *несправедливым*. И если меня накрывало, я была уверена в своей правоте — то, как говорится, туши свет. Тогда уж на своем стояла до конца, билась за справедливость. Из-за этого меня потом даже из института отчислили: я пыталась отстоять

интересы мальчика, который позже стал моим первым гражданским мужем, и прекратить несправедливое к нему отношение. А в «Камеди Вумен», да и в других проектах, когда кто-то предпочитал промолчать, я рубила правду-матку и лезла на амбразуру. Дальше обо всех этих случаях расскажу подробно.

Я терпеть не могу несправедливость, мне тяжело с ней мириться и ее замалчивать. Думаю, в моей жизни что-то могло сложиться куда проще, если бы не вот это мое качество.

Иногда моя месть за несправедливость бывала жесткой. Вероятно, я тем самым нагоняла упущенное в детстве: тогда я была нежной, ранимой, очень любила драматизировать, могла просто расплакаться из-за мелочи, за что сестра звала меня «квашней». Ее моя эта ранимость выбивала из колеи, и она говорила мне: «Да научись ты наконец за себя стоять, хватит нюни пускать».

Ну я и научилась. Дрались мы потом с Наташкой насмерть. К нам иногда приезжали наши двоюродные брат и сестра, племянники отца. У них отношения тоже были как у кошки с собакой... И в такие дни дом наш соседи называли «музыкальная шкатулка» — из-за всех криков и драк между всеми четырьмя, из него доносившихся.

В более старшем возрасте свои интересы я порой отстаивала радикально: однажды дошло до того, что в знак

протеста против чего-то наказанного мне дедом я начала бить окна в доме. Рамы были большие и тяжелые, чтобы вставить в них новые стекла, деду приходилось долго и тяжело поработать стеклорезом. И вот я, зная это, потом мстила так, когда у нас был какой-то конфликт. Соседи, видя разбитые стекла, спрашивали у меня: «Ну что, Марийка, опять революция?» А сестра, узнав об этом, была шокирована. Такого от «квашни Маринки» она совсем не ожидала.

В один момент деду мой бунт со стеклами сильно надоел, он вручил мне стеклорез и сказал: «Ну давай, работай, больше я стекла вставлять не собираюсь». И что бы вы думали? Я решила доказать свою самостоятельность и упорно трудилась. Оказалось, это очень сложно: нужно было массой тела налегать на инструмент, да еще не переборщить, чтобы стекло не разлетелось вдребезги.

Кто-то скажет, мол, кошмар, как можно было так с ребенком, но я понимаю, что никакой жести в этом не было. Это был такой диалог «на равных». *Во мне с малых лет видели полноценную личность и не ломали ее, с ней взаимодействовали. А личность должна нести ответственность за свои поступки. Как говорится, любишь кататься — люби и саночки возить. Думаю, самостоятельность, которую развивали во мне с детства, потом очень помогала в жизни — в целом ряде ситуаций, где приходилось рассчитывать только на себя, другие бы сломались, а я спокойно все преодолевала, шла вперед, выходила из очень непростых положений.*

Но я слухавлю, если скажу, что не хотела в детстве больше внимания и любви. И истерики после сказки про сиротку, и битые стекла — ведь тоже способ обратить на себя

ВО МНЕ С МАЛЫХ ЛЕТ ВИДЕЛИ ПОЛНОЦЕННУЮ ЛИЧНОСТЬ И НЕ ЛОМАЛИ ЕЕ, С НЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВОВАЛИ. САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ, КОТОРУЮ РАЗВИВАЛИ ВО МНЕ, ПОТОМ ОЧЕНЬ ПОМОГАЛА В ЖИЗНИ — В ЦЕЛОМ РЯДЕ СИТУАЦИЙ, ГДЕ ПРИХОДИЛОСЬ РАССЧИТЫВАТЬ ТОЛЬКО НА СЕБЯ, ДРУГИЕ БЫ СЛОМАЛИСЬ, А Я СПОКОЙНО ВСЕ ПРЕОДОЛЕВАЛА, ШЛА ВПЕРЕД, ВЫХОДИЛА ИЗ ОЧЕНЬ НЕПРОСТЫХ ПОЛОЖЕНИЙ.

внимание. Конечно, дед с бабушкой очень сильно любили нас и окружали максимальной заботой. Но, как я уже говорила, в силу занятости столько внимания, сколько я хотела, у них давать не получалось.

И еще ведь ребенку так просто не объяснишь, почему другие живут вместе с мамой и папой, а твои родители живут далеко, не с тобой в деревне. Не могу сказать, что я как-то остро ощущала разлуку с матерью или имела комплексы на сей счет. Но вот в зрелом возрасте, за 30, неожиданно для себя осознала, что я постоянно стремлюсь получать больше внимания и одобрения от мамы. До сих пор так: мне уже 50, а я все оглядываюсь и жду маминой реакции на свои достижения и новые проекты. Вероятно, в детстве эта потребность не так отчетливо проявлялась, а с возрастом вылезла.

А вот по отцу сильно скучала и ждала каждого его приезда. Но переехать и жить с ним все равно была не готова.

Поэтому какую-то щемящую тоску по родителям я не испытывала и безумно не скучала. Иначе, когда они попытались меня забрать, не рвалась бы вернуться к бабушке с дедом в деревню. Все равно в деревне мне было очень хорошо, именно там я чувствовала себя максимально счастливой. Тот подход общения с нами как с полноценными личностями, пускай и несовершеннолетними, который практиковали бабушка с дедом, помог мне сформироваться в том числе и как личности творческой. Меня не ломали, старались поддерживать и оберегать, а не заставлять. Направлять, а не приказывать. Я знала и ощущала, что меня любят совершенно искренне и очень сильно.

ТОТ ПОДХОД ОБЩЕНИЯ С НАМИ КАК С ПОЛНОЦЕННЫМИ ЛИЧНОСТЯМИ, ПУСКАЙ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ, КОТОРЫЙ ПРАКТИКОВАЛИ БАБУШКА С ДЕДОМ, ПОМОГ МНЕ СФОРМИРОВАТЬСЯ В ТОМ ЧИСЛЕ И КАК ЛИЧНОСТИ ТВОРЧЕСКОЙ. МЕНЯ НЕ ЛОМАЛИ, СТАРАЛИСЬ ПОДДЕРЖИВАТЬ И ОБЕРЕГАТЬ, А НЕ ЗАСТАВЛЯТЬ. НАПРАВЛЯТЬ, А НЕ ПРИКАЗЫВАТЬ. Я ЗНАЛА И ОЩУЩАЛА, ЧТО МЕНЯ ЛЮБЯТ СОВЕРШЕННО ИСКРЕННЕ И ОЧЕНЬ СИЛЬНО.

Как ни странно, лет до четырех я была на сто процентов уверена, что моя мама — это красивая и очень яркая женщина — Ася, родная сестра отца. Тетя обладала внешнестью актрисы советского экрана, при этом была очень добродушной и улыбчивой. Она жила в часе езды от нас, у нее были своя семья и дети, но каждые выходные тетюшка обязательно проводила со мной и сестрой. В эти дни у нас в доме было как в той рекламе из 90-х, помните: «Тетя Ася приехала».

И вот когда я уже могла осознавать какие-то моменты, навестить меня приехала настоящая мама — Валентина. Ну и что бы вы думали? Мама мне радуется, хочет обнять, а я смотрю на нее подозрительно, изучающе, принимаю подарки, потом поворачиваюсь к сестре и говорю что-то вроде: «Нет, Наташ, наша мама некрасивая, пусть обратно едет, Ася посимпатичнее будет. Она нашей мамой останется»... И это в четыре года. Мама сначала обомлела, а потом поняла, что дочь ну точно ее. Характер, как минимум, передался один в один.

Мама у меня тоже человек достаточно прямой, упертый, но, в отличие от меня, всегда бескомпромиссный. Когда они с папой вышли на пенсию, а мы с сестрой уже жили и работали в Перми, они решили переехать жить в Украину. Так вот, несколько лет назад я приехала туда маму навестить.

В один из дней, когда мама отправилась в районный центр по делам, к дому подкатил огромный черный «Хаммер». Мягко говоря, редкая машина для тех мест... Кто это? Что такое? Ничего не понимаю. Выходит парень брутального вида, начинает стучать в ворота. Открываю, а он говорит: «Вы это, бабушку свою заберите». На заднем сидении

моя маман с покупками. Она, видите ли, вызывала такси, но перепутала машины и села в «Хаммер». А когда водитель сказал ей, что он не такси и что это его личная машина, бескомпромиссно сообщила, что еле влезла в авто, выходить не собирается, и раз уж она здесь, пусть везет ее домой в ее деревню... Видимо, опешив от такой прямоты, парень и довез...

Несложно предположить, что характеры наши, во многом схожие, на протяжении всей жизни сталкивались. Мы не раз бодались.

А вот с тетей Асей у нас, кстати, до сих пор сохранилась какая-то трепетная связь. Она меня очень трогательно поздравляет с праздниками, следит за творчеством и всегда так искренне и по-доброму рада слышать, как будто я звоню ей сообщить, что она миллион долларов выиграла. Для меня она — душа. Любимый с детства и дорогой человек. Знаете, у каждого из нас есть такие небожители, что ли, к которым мы сильно прикипели в детстве, и это чувство ощущаем в течение всей жизни. Вот Ася для меня — именно такой небожитель. Я очень ее люблю.